

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

УДК 821.161.1.0

Е. А. Беликова*

ИСТОРИЧЕСКИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»**

Аннотация: Одна из сюжетных линий романа «Петр Первый» связана с пребыванием русского посольства в Константинополь в сентябре 1699 г. В романе А. Н. Толстой описал путешествие русской команды по Черному морю на новом 48-пушечном корабле «Крепость», прием у султана, встречи с европейскими посланниками и их реакцию на успехи Петра I в кораблестроении. При работе над романом автор использовал документы эпохи (донесения думного дьяка Е. И. Украинцева), исторические труды Н. Г. Устрялова и С. М. Соловьева. Но анализ фрагментов, связанных с жизнью русских посланников в Константинополе, позволяет сделать вывод о том, что еще одним источником стали личные впечатления Толстого. В апреле 1919 г. писатель вместе с семьей оказался в числе русских беженцев, которые эвакуировались из Одессы в Константинополь на союзнических судах. В романе «Петр Первый» Толстой использовал некоторые

*Беликова Екатерина Андреевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург); katiya.iz@gmail.com

Belikova Ekaterina Andreevna — Candidate of Philology, Research Fellow at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Research Fellow at the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; katiya.iz@gmail.com

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00699, <https://rscf.ru/project/24-28-00699/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00699, <https://rscf.ru/project/24-28-00699/>; at the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

дневниковые записи этого периода, а также небольшие зарисовки турецкого города, воссозданные в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924).

Abstract: One of the plot lines of the novel “Peter the Great” is connected with the arrival of the Russian embassy in Constantinople in September 1699. In the novel, A. N. Tolstoy described the Russian team’s journey across the Black Sea on the new ship “Krepost”, their reception by the sultan, their meetings with European envoys, and their reaction to Peter’s successes in shipbuilding. While working on the novel, the author used documents from the era (reports by E. I. Ukraintsev) and historical works by N. G. Ustryalov and S. M. Solovyov. However, an analysis of fragments related to the life of Russian envoys in Constantinople suggests that Tolstoy’s personal impressions were another source. In April 1919, the writer and his family were among the Russian refugees who were evacuated from Odessa to Constantinople on Allied ships. In the novel “Peter the Great”, Tolstoy used some diary entries from this period, as well as small sketches of the Turkish city, recreated in the story “The Adventures of Nevzorov, or Ibicus” (1924).

Ключевые слова: А. Н. Толстой, «Петр Первый», Константинополь, научный комментарий, источники текста.

Keywords: A. N. Tolstoy, “Peter the Great”, Constantinople, scientific commentary, text sources.

Исторические источники, которые использовал А. Н. Толстой при создании романа «Петр Первый», впервые были описаны А. В. Алпатовым в монографии «Алексей Толстой — мастер исторического романа» (1958). Изучение архива писателя, его рабочих заметок, личной библиотеки позволило Алпатову показать, насколько разнообразным был круг литературы, привлеченный автором: воспоминания современников Петра I, дневники и записки иностранных послов, документы XVII—XVIII вв. («Письма и бумаги Петра Великого»; «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках»; «Слово и дело государевы», опубликованные Н. Я. Новомбергским), а также исторические работы об эпохе (труды Н. В. Устрялова, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, М. И. Семевского, И. Н. Пекарского и ряда других). В приложении к монографии Алпатов опубликовал записные книжки Толстого к роману, включающие в себя как цитаты из исторических документов, так и черновые наброски, планы к отдельным главам.

Исследователь также предпринял попытку соотнести отдельные фрагменты «Петра Первого» с другими произведениями Толстого. Алпатов отметил, что в третьем томе романа эпизоды Северной войны (диалоги солдат и царя, отношение к иностранцам) имели современное звучание и могли вызвать у читателя ассоциации с рассказами, посвященными Второй мировой войне, ведь Толстой параллельно работал в 1940х гг. как над романом, так и над военными очерками [3, с. 61–62].

По прошествии более шестидесяти лет после выхода книги Алпатова в научный оборот было введено большое количество эго-документов писателя: опубликованы его дневники, переписка. А также выпущены исследования,

затрагивающие малоизученные страницы биографии и творчества писателя; это прежде всего монографии Е. Д. Толстой «“Деготь или мед”. Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923» (2006) и «Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург» (2013).

Изучение творчества писателя в контексте его биографии повлияло на подход текстологов при составлении научного комментария к роману «Петр Первый» в рамках подготовки Полного собрания сочинений А. Н. Толстого в ИМЛИ имени А. М. Горького РАН. А. С. Акимов в статье «Записные книжки А. Н. Толстого: от документа к тексту романа “Петр Первый”» привела примеры, в которых личные впечатления писателя стали источником для некоторых эпизодов исторического романа. Так, поездка в Италию в 1932 г. (посещение Неаполя, восхождение на Везувий) нашли отражение в воспоминаниях генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметьева, который, согласно историческим источникам, во время европейского путешествия осматривал вулкан Этна, а не Везувий, как это представлено в романе [2, с. 335]. Записи Толстого 1933 г., сделанные во время поездки в Кандалакшу на подъем ледокола «Садко», помогли создать ряд сцен в раскольничьем скиту на Выгозере [2, с. 336].

Работу над романом «Петр Первый» писатель вел на протяжении почти 15 лет, за это время им было изучено большое количество источников. Широкая осведомленность в исторических документах позволяла Толстому использовать разнообразные материалы для воплощения эпохи Петра I на страницах художественного произведения. В статье на примере эпизодов второго тома романа будут приведены примеры, когда Толстой для описания исторических событий ориентировался как на документы конца XVII в., так и на личные впечатления.

Современники Толстого оставили ряд воспоминаний о его увлеченной работе над «Петром Первым». Сосед писателя по Детскому селу, литературовед Л. Р. Коган стал свидетелем создания второй книги романа в 1930е гг.:

«В Толстом, несомненно, были задатки крупного актера, и мимика, и жест его отличались большой выразительностью, а дикции могли бы позавидовать многие актеры.

Помню, он замечательно разыграл сцену путешествия посла Украинцева с капитаном-португальцем Памбургом в Константинополь.

— Представьте себе такую здоровенную медно-красную морду с заплывшими пьяными глазами и растопыренными усищами, как у кота... Бандитская рожа. Голос, как из бочки... Это — Памбург.

Он очень живо изобразил, как Украинцев и Памбург, почти не понимая друг друга, пили “до изумления”.

Толстой иногда рассказывал о дальнейших своих намерениях, о предполагаемых сценах и эпизодах, но обычно только в самых общих чертах. По-видимому, рассказывать он мог лишь то, что *видел* в своем воображении как нечто завершенное, вполне законченное» [5, с. 208] (курсив Л. Р. Когана. — *Е. Б.*).

В данном случае Толстой поделился с Коганом замыслами, связанными со сценами прибытия русского посольства в Константинополь в сентябре 1699 г. В первой главе второго тома рассказывается, как Петр I отправил думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева заключать мир с Османской империей. Но в этом случае у царя была еще одна цель — продемонстрировать мощь русского флота, поэтому делегация приплыла в пролив Босфор на только что построенном 46-пушечном корабле «Крепость» под командованием капитана Питера фон Памбурга. В романе Толстой описал их путешествие по Азовскому и Черному морям, первые встречи с султаном и некоторыми европейскими посланниками.

В окончательный вариант сцена попойки Памбурга с Украинцевым, которую упоминал Коган, не вошла, в книге капитан пировал с другими моряками в городе, а затем пригласил их на русский корабль.

События осени 1699 г. Толстой описал в 12й подглавке первой главы. Она включила в себя споры Украинцева и Памбурга с турецкими приставами, уговаривающих русских идти в Константинополь сухим, а не морским путем, подробности плавания на корабле «Крепость» по Черному морю, описание первых турецких поселений, увиденных русской командой с палубы, прием у султана, встреча с европейскими посланниками и их реакция на успехи Петра в кораблестроении, наконец, пальба Памбурга из пушек «Крепости» во время ночного пира, которая напугала султана и весь город.

Основным источником для Толстого стали подробные донесения Е. И. Украинцева Петру I от 26 августа и 17 октября 1699 г. Документы были опубликованы Н. Г. Устряловым в «Истории царствования Петра Великого» в приложении к третьему тому [10, с. 507–511, 515–520]; в библиотеке Толстого сохранился экземпляр этого издания (ГЛМ КП 53293/1729).

С небольшими изменениями автор романа процитировал два отрывка из письма думного дьяка от 17 октября, в которых обстоятельно пересказаны произошедшие события, приведены суждения турок о качествах русского корабля. Толстого, безусловно, заинтересовал стиль этого документа, а также фразы, демонстрирующие взаимоотношения царя и Украинцева. Многие писатель включил в текст романа:

«О твоём корабле здесь немалое удивление: кто его делал и как он мелкими водами вышел из Дона? *Спрашивали, много ли у тебя кораблей и сколь велики?* Я отвечал, что много, и дны у них не плоски, как здесь врут, и по морю ходят хорошо. *Тысячи турок, греков, армян и евреев приезжают смотреть “Крепость”, да и сам султан приезжал,* три раза обошел на лодке кругом корабля. *А наипаче всего хвалят парусы и канаты за прочность и дерево на мачтах.* А иные и ругают, что *сделан-де некрепко.* Мне, прости, так *мнится: плыли мы морем в ветер не самый сильный, и “Крепость” гораздо скрипел и набок наклонивался и воду черпал.* Строители-то его Осип Най да Джон Дей, чаю, не без корысти. *Корабль — дело не малое, стоит города*

доброто. Здесь его смотрят, но не торгуют, и купца на него нет... Прости, пишу как умею» [9, с. 394] (курсив наш. — Е. Б.).

Выделенные курсивом словосочетания и фразы являются точными цитатами из донесения Украинцева. Для стилизации текста писатель включил в роман устаревшие формы («дны», «парусы»), Толстому важно было сохранить подлинные высказывания, которые показывали Украинцева как единомышленника Петра: «А корабль дело не малое, стоит города добраго» [10, с. 518]. Также Толстой перестроил некоторые предложения: в подлинном донесении Украинцев сначала предлагал следить за качеством работы при строительстве кораблей, а затем рассказывал о недостатках «Крепости»: «...корабль, на котором я плыл на Черном море, в ветер и не само сильный гораздо скрипел и на бок наклонивался и воды в нем явилось не мало» [10, с. 518]. Писатель структурировал текст документа: немного сократил, поменял предложения местами.

Таким же образом Толстой ввел в роман еще один отрывок из письма Украинцева Петру — достаточно точно процитировал рассказ посланника о реакции султана на ночную стрельбу из пушек, которую устроил Памбург. В реальном документе Украинцев следующим образом излагал произошедшее:

«А в одно время припал на самого салтана и весь народ великий страх, от того: капитан Памберг 23 сентября пил целый день на корабле с Французами и с Голландцами, и подпил гораздо, и втянулся с ними тем же подпитком и во всю ночь до света, и стрелял с корабля в полночь из всех пушек не по однажды; и от той стрельбы по всему Царюграду учинилась великая молва и ропот, говоря и прикладывая к тем вышепомянутым ведомостям, что будто он капитан тою пушечную ночную стрельбою давал знать твоему Государеву морскому каравану, который ходит по Черному морю, чтоб он приходил в гирло Черноморское и под Царьгород. <...> ...салтаново-де величество ночесь испужался и из покоев своих выбежал от такой с твоего корабля капитанской ночной многой и необычайной пушечной стрельбы, и некоторые жены в верхнем сарае беременные от того страху и пушечной стрельбы младенцов повывергали, и за то-де салтаново величество на того капитана зело разгневался...» [10, с. 518] (курсив наш. — Е. Б.).

Выделенные курсивом словосочетания и предложения Толстой включил в роман. С одной стороны, он использовал ряд конструкций из подлинного письма для стилизации текста («припал на самого султана и на весь народ великий страх»); с другой стороны — убрал повторы, поменял формы и порядок слов, чтобы современному читателю было легче воспринимать язык конца XVII в. Так, Толстой переписал фрагмент про султана и его беременных жен:

«Султаново величество в ту ночь испужался и выбежал из спальни в чем был и многие министры и паши испужались, и от той капитанской

необычайной пушечной стрельбы две брюхатые султанши из верхнего серая младенцев загодя выкинули» [9, с. 396].

В донесении Украинцева содержался подробный отчет о действиях русского посольства по пути из Керчи в Константинополь. Поэтому часть данного документа Толстой использовал как источник для создания жанровых сценок и диалогов героев: нетерпеливый Памбург плывет по Черному морю без лоцмана на максимальной скорости, не ждет турецкие корабли, которые должны их сопровождать; Памбург и Украинцев отказываются выполнить просьбу турецкого пристава зайти в порт Балаклавы за свежей водой: «Будто мы не понимаем, пристава нужно зайти в Балаклаву — взять у жителей хороший бакшиш за посланнический корм. Ха! У нас водой полны бочки» [9, с. 391]. Кроме текстов донесений Украинцева Толстой ориентировался на пересказ этих документов Устряловым в книге «История царствования Петра Великого», главе «Посольство Украинцева». Например, историк разъяснял, что в действительности туркам нужно было собрать в Балаклаве деньги на содержание русских в Константинополе. В тексте романа Толстой использовал формулировку Устрялова «посланнический корм» из предложения: «...пристав упрасивал посланника зайти в Балаклаву, чтобы налиться свежою водою, имея в виду взять с жителей хорошую сумму за посланнический корм» [10, с. 289]. Так Устрялов объединил информацию из двух донесений Украинцева: от 26 августа («...пристав убеждал <...> зайти в Кафу и Балаклаву за свежей водой») и от 17 октября («... дождался я пристава, который звал меня в Булаклаву (чтобы взять себе какой взятки, будто корм мне)» [10, с. 506, 516].

Для рассказа о плавании русских к берегам Константинополя осенью 1699 г. Толстой использовал, помимо исторических, еще и автобиографические источники. Дело в том, что во время Гражданской войны в апреле 1919 г. писатель вместе с тысячами беженцев эвакуировался из Одессы в Константинополь на французском корабле «Кавказ». В дневнике 1919 г. Толстой писал о трудных условиях, в которых оказались люди: бытовые неудобства, паника из-за тревожных слухов, болезни. Одним из испытаний для беженцев стало ожидание решения об их размещении: несколько дней судно находилось в акватории города; хорошо одетые европейцы на лодках подплывали и с любопытством разглядывали голодных и оборванных русских; после обязательной дезинфекции французское руководство отправило беженцев на один из Принцевых островов — остров Халки (ныне Хейбелиада), посещение Константинополя осуществлялось по специальным пропускам.

События, пережитые Толстым в 1917–1919 гг., стали сюжетной основой повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924). [4, с. 28–93]. В этом произведении была воссоздана хроника эвакуации из Одессы и подробно описано поведение пассажиров: ропот из-за некачественной еды на корабле, воспоминания о посещении лучших ресторанов Москвы, суждения о политике, образе жизни турок. Часть этих диалогов Толстой воспроизвел по своим днев-

никовым записям и включил в текст повести. Спустя еще десять лет писатель вновь использовал этот материал при работе над сценами прибытия русского корабля в Константинополь в первой главе второго тома «Петра Первого», а также в четвертой главе при описании событий 1700 г., когда спустя почти год ожидания измученные жарой, непривычной пищей русские послы смогли добиться заключения мира с Османской империей.

В дневнике Толстого 1919 г. сохранились заметки с описанием вида на город с палубы корабля:

«Константинополь. Вышел из трюма, раннее утро, из тумана четыре минарета и купол Софии. Древние стены у воды. Квадратная башня на мысу... Мечеть Сулеймана. Затем из тумана, тронутые розоватым солнцем, начали выступать прямоугольники домов Перы» [7, с. 405].

Также внимательно рассматривали город матросы на русском корабле в романе «Петр Первый». Другую дневниковую запись: «Мрачный, кровавый закат над Мраморным морем... Огоньки на островах» [7, с. 406] можно соотнести с описанием заката, который наблюдали герои романа: «Разлился далекий, будто за тридевять земель, золотой закат. Быстро багровея, угасал, окрасил кровью воды Босфора» [9, с. 393].

В первой главе второго тома романа рассказывается о Памбурге, который по прибытии в Константинополь направился с визитом к посланникам европейских государств. Источником для Толстого стали сведения из книги С. М. Соловьева:

«Первым делом посланников было отправить капитана Памбурга с поздравлением к французскому, английскому и голландскому послам; француз и голландец приняли Памбурга любовно и за поздравление благодарили; англичанин же к себе не пустил, выслал на крыльцо человека и велел сказать, что видеться ему с Памбургом не для чего и сел он теперь за стол обедать» [6, с. 1232].

Книга Соловьева «История России с древнейших времен» использовалась Толстым при работе над романом так же активно, как и труд Устрялова [1, с. 326–339], экземпляры с многочисленными подчеркиваниями Толстого сохранились в библиотеке писателя (ГЛМ КП 53293/1554).

Взяв за основу исторический источник, Толстой наполнил его красочными деталями: внешность слуги, который встретил Паткуля на крыльце английского посланника и не пустил в дом, резкая реакция капитана:

«Вышел огненнородый лакей в сажень ростом. Придерживая дверь, спросил, что нужно? Памбург, загоревшись глазами, сказал, кто они и зачем. Лакей захлопнул дверь и не слишком скоро вернулся, хотя москвиты ждали на улице, — проговорил насмешливо:

— Посол сел за стол обедать и велел сказать, что с капитаном Памбургом видаться ему незачем.

— Так ты скажи послу, чтобы он костью подавился! — крикнул Памбург. Бешено вскочил на коня и погнал по плоским кирпичным лестницам, мимо уличных торговцев, голых ребятишек и собак, вниз на Галату, где еще давеча видел в шашлычных и кофейных и у дверей публичных домов несколько своих давних приятелей.

Здесь Памбург с офицерами напился греческим вином дузиком до изумления, шумели и вызывали драться английских моряков. Сюда пришли его приятели — штурмана дальнего плаванья, знаменитые корсары, скрывавшиеся в трущобах Галаты, всякие непонятные люди. Их всех Памбург позвал пировать на “Крепость”» [9, с. 395].

Атмосфера улиц Галаты — это личные впечатления Толстого об этой части города, которые он описал в «Похождениях Невзорова, или Ибикус».

В повести и романе есть текстуальные пересечения в соответствующих фрагментах. Не случайно Паткуль для визита к европейским послам едет в Перу, район Константинополя на северном берегу бухты Золотой Рог, а получив отказ у английского посла, отправляется на улицы Галаты. В повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», описывая Константинополь 1919го г., Толстой четко разграничил эти части города:

«На Перу блестят сотни витрин, развеваются над посольствами иноземные флаги <...>. У подножия Перу — этой международной части города между мостом через Золотой Рог и пароходными пристанями — начинается Галата — узкие, грязные портовые кварталы. Это — подол Перу, куда стекает вся грязь его, куда стремительно сбегает всякий, кому там, наверху, не повезло» [8, с. 557–558].

Упоминание шашлычных, греческого вина, драчливых английских моряков в романе соответствует тому, как представлена Галата в «Похождениях Невзорова, или Ибикус»:

«Не было моряка в пяти частях света, который бы в свое время, под руку с товарищами, горланя и спотыкаясь, не шатался здесь мимо соблазнительных окон и заманчивых дверей. Круглые сутки валил шумный и беспечный народ по этой улице, топотали копытами ослики, кричали продавцы сладостей, женские руки стучали изнутри в стекла <...> визжали проститутки, чад стоял от шашлыков, табака и сладостей. <...> Здесь же происходили главные бои между моряками разных флотов. В довоенное время обычно верх брали русские матросы, — они ходили стенкой, дружно, крушили чугунными кулаками турецкие, французские, итальянские скулы, и даже англичане, хорошие драться в одиночку, рыча и выплевывая

зубы, очищали веселые дома, уступали русским красотою за окнами» [8, с. 561–562].

При описании Константинополя периода 1699 г. в романе (вероятно, чтобы избежать анахронизма) Толстой ограничился только кратким перечислением основных примет Галаты, которые увидел сам в 1919 г. Но есть одна деталь, которую Толстой повторял в каждом произведении, связанном с Константинополем — это яркие «аттические» звезды, «путеводители Одиссея» и аргонатов. На них смотрит русский поэт-эмигрант Санди в рассказе «На острове Халки» (1922), они упомянуты в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», и, наконец, в романе «Петр Первый» под «аттическими звездами» происходит пир капитана Памбурга на корабле «Крепость».

Как подчеркнул Коган в приведенном выше отрывке, Толстому было важно увидеть героев и события вплоть до мельчайших деталей. Мемуарист также вспомнил случай, как писатель не мог разглядеть на гравюре пуговицы кафтана Петра Первого: гладкие они или с тиснением? Толстой признался Когану, что по этой причине потерял образ Петра и не может продолжать работу. Только на следующий день он доехал до Эрмитажа и попросил показать ему личные вещи императора: «Пуговицы были гладкие, — засмеялся Алексей Николаевич, — за это познание я заплатил бессонной ночью и добрый час чихал от проклятого нафталина. Но зато я снова вижу Петра» [4, с. 209].

Изучение круга источников, которыми пользовался Толстой при написании «Петра Первого», создание комментария к упомянутым в тексте событиям позволяют исследователям прикоснуться к творческой лаборатории писателя, проследить замысел автора, определить источники вдохновения, как это удалось сделать некоторым современникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимов А. С.* «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева как исторический источник романа А. Н. Толстого «Петр Первый» // Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 234–247.
2. *Акимов А. С.* Записные книжки А. Н. Толстого: от документа к тексту романа «Петр Первый» // *Studia Litterarum*. 2025. Т. 10. № 2. С. 326–339.
3. *Алпатов А. В.* Алексей Толстой — мастер исторического романа. М.: Советский писатель, 1958. 356 с.
4. *Беликова Е. А.* Повесть А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» в контексте биографии и творчества писателя: дисс. кандидата филологических наук: 5. 9. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 238 с.
5. Воспоминания об А. Н. Толстом. Сборник. М.: Советский писатель, 1982. 496 с.
6. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. Кн. 3. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1911. 1580 с.
7. *Толстой А. Н.* Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. 528 с.

8. Толстой А. Н. Похождения Невзорова, или Ибикус // Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 3. С. 449–574.
9. Толстой А. Н. Петр Первый // Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 7. 783 с.
10. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 6 кн. СПб.: Тип. II-го Отд- ния Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858–1863. Т. 3. 662 с.

REFERENCES

1. Akimova, A. S. “*Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*” S. M. Solov’eva kak istoricheskii istochnik romana A. N. Tolstogo “*Petr Pervyi*” [S. M. Solovyov’s “History of Russia Since Ancient Times” as a Historical Source of A. N. Tolstoy’s Novel “Peter the Great”]. In: Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem. Vypusk 4 [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time. Issue 4]. Ex. ed. Galina N. Vorontsova, comp. Anna S. Akimova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 234–247. (In Russian).
2. Akimova, A. S. *Zapisnye knizhki A. N. Tolstogo: ot dokumenta k tekstu romana «Petr Pervyi»* [A. N. Tolstoy’s Notebooks: From the Document to the Text of the Novel “Peter the Great”]. *Studia Litterarum*, 2025, vol. 10, no. 2, pp. 326–339. (In Russian).
3. Alpatov, A. V. *Aleksey Tolstoy — master istoricheskogo romana* [Alexei Tolstoy is a Master of the Historical Novel]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1958. 356 p. (In Russian).
4. Belikova, E. A. *Povest’ A. N. Tolstogo “Pokhozhdeniia Nevzorova, ili Ibikus” v kontekste biografii i tvorchestva pisatel’ia* [A. N. Tolstoy’s novel “The Adventures of Nevzorov, or Ibicus” in the context of the writer’s biography and work]: [cand. sci. thesis]. Moscow, IWL RAS, 2025. 238 p. (In Russian).
5. *Vospominaniia ob A. N. Tolstom. Sbornik* [Memories of Tolstoy. Collection]. Moscow, Sovetskii Pisatel’ Publ, 1982. 496 p. (In Russian).
6. Solovyov, S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia Since Ancient Times]. In: *Solovyov, S. M. Sochineniia v 6 knigah*, vol. 3. Saint Petersburg, Tovariščestvo “Obshchestvennaia Pol’za”, [1911]. 1580 p. (In Russian).
7. Tolstoy, A. N. *Materialy i issledovaniia* [A. N. Tolstoy. Materials and researches]. Moscow, Nauka Publ, 1985. 528 pp. (In Russian).
8. Tolstoy, A. N. *Pokhozhdeniia Nevzorova, ili Ibikus* [The Adventures of Nevzorov, or Ibicus]. In: Tolstoy, A. N. *Sochineniia v 10 tomah*, vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1981, pp. 449–574. (In Russian).
9. Tolstoy, A. N. *Petr Pervyi* [Peter the Great]. In: *Tolstoy, A. N. Sochineniia v 10 tomah*, vol. 7. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1984. 783 p. (In Russian).
10. Ustrialov, N. G. *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo* [The history of the reign of Peter the Great]. In: *Ustrialov, N. G. Sochineniia v 6 knigah*, vol. 3. Saint Petersburg, Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1858. 662 p. (In Russian).